Автор: admin
03.10.2010 21:59 -

Соционические типы героев романа Достоевского "Преступление и наказание"

Вступление

Герои романов Достоевского задают много загадок тем, кто хотел бы применить к ним законы соционики. Чего стоят, например, *дуальные* отношения между Смердяковым и стариком Карамазовым в романе «Братья Карамазовы» (соционический анализ романа изложен в [1]), или *родственные* отношения между Дмитрием и тем же стариком Карамазовым. Еще сложнее обстоят дела с героями романа «Бесы» (соционический анализ представлен в [2]), которые ставят социальные эксперименты на себе и других. Так, например, Петр Верховенский рассчитывал сделать из своего *дуала* Ставрогина легенду, то есть до поры до времени скрывать его от народа, а потом предъявить как носителя новой правды. Ставрогин понял, что из него хотят сделать самозванца, вроде Гришки Отрепьева, и решил, что Петр помешался. А другой герой, Кириллов, намеревался осчастливить человечество, поставив на место Иисуса Христа человека, перерожденного физически. По его мнению, стоило человеку преодолеть страх смерти, как он становился богом. Воодушевившись этой идеей, он решил покончить с собой, чтобы подать пример другим. У Раскольникова тоже была теория, которая, как ему казалось, ставила его выше других людей: «*Штука в том: я задал себе один раз такой вопрос: что если бы, например, на моем месте случился Наполеон и не было бы у него, чтобы карьеру начать, ни Тулона, ни Египта, ни перехода через Монблан, а была бы вместо этих красивых и монументальных вещей просто-запросто одна какая-нибудь смешная старушонка, легистраторша, которую вдобавок надо убить, чтоб из сундука у ней деньги стащить (для карьеры-то, понимаешь?), ну, так решился ли бы он на это, если бы другого выхода не было? Не покоробился ли бы оттого, что это уж слишком не монументально и… и грешно? Ну, так я тебе говорю, что на этом «вопросе» я промучился ужасно долго, так что ужасно стыдно мне стало, когда я, наконец, догадался (вдруг как-то), что не только его не покоробило бы, но даже и в голову бы ему не пришло, что это не монументально… и даже не понял бы он совсем: чего тут коробиться? И уж если бы только не было ему другой дороги, то задушил бы так, что и пикнуть бы не дал, без всякой задумчивости!… Ну и я… вышел из задумчивости… задушил… по примеру авторитета…*
»

Чтобы оценить эту теорию с точки зрения соционики, на мой взгляд, следует воспользоваться такими понятиями, как **сверхценность** и **инверсия ценностей**. В соционике существует понятие **сверхценности**. Сверхценность строится по аспектам сильных оценочных функций —

базовой
(1-й) и
фоновой
(8-й). Причем утверждается приоритет личностных оценок с
базовой
функции над социальными оценками с
фоновой
функции. Более того, информация по
восьмой
функции должна быть преобразована так, чтобы способствовать проявлениям по
первой
. Но иногда, наоборот, ценностные установки с
фоновой
функции превалируют над установками с
базовой
. Тогда у человека наблюдается
инверсия ценностей
. В этом случае стандартные программы выживания заменяют ему ответственный подход к жизни. Я считаю, что соционический тип Раскольникова — ЕТ (ЭИЭ), и попробую доказать, что именно инверсия ценностей наложила отпечаток на его преступление. Но, несмотря на драматизм ситуации, Раскольникову во многом повезло. Его поддерживали мать и сестра, у него оказался замечательный друг и, наконец, его полюбила прекрасная женщина. Моя задача — разобраться в соционических типах и отношениях героев романа Достоевского.

Родион Раскольников (ЕТ (ЭИЭ))

«Так всех нас в трусов превращает мысль, И вянет, как цветок, решимость наша В бесплодье умственного тупика».

В. Шекспир. «Гамлет».

«Любопытно, чего люди больше всего боятся? Нового шага, нового собственного слова они всего больше боятся… А впрочем, я слишком много болтаю. Оттого и ничего не делаю, что болтаю. Пожалуй, впрочем, и так: оттого болтаю, что ничего не делаю».

Ф. Достоевский. «Преступление и наказание».

Его яркая эмоциональность бросается в глаза с первого же появления этого героя. Он презирает обыденную дребедень, в частности, замечания и жалобы своей хозяйки. *Бол евая*
(4?я)
сенсорика ощущений
(S) проявилась в тот момент, когда один прохожий обратил внимание на его шляпу: «
"Эй ты, немецкий шляпник!" — и заорал во все горло, указывая на него рукой, — молодой человек вдруг остановился и судорожно схватился за свою шляпу. Шляпа эта была высокая, круглая, циммермановская, но вся уже изношенная, совсем рыжая, вся в дырах и пятнах, без полей и самым безобразнейшим углом заломившаяся на сторону. Но не стыд, а совсем другое чувство, похожее даже на испуг, охватило его.
— Я так и знал! — бормотал он в смущении, — я так и думал! Это уж всего сквернее! Вот эдакая какая-нибудь глупость, какая-нибудь пошлейшая мелочь, весь замысел может испортить! Да, слишком приметная шляпа…Смешная, потому и приметная… К моим лохмотьям непременно нужна фуражка, хотя бы старый блин какой-нибудь, а не этот урод. Никто таких не носит, за версту заметят, запомнят… главное, потом запомнят, ан и улика. Тут нужно быть как можно неприметнее… Мелочи, мелочи главное!.. Вот эти-то мелочи и губят всегда и все…
». А вот проявление
фоновой
(8?й)
интуиции возможностей
(I): «
"И тогда, стало быть, так же будет солнце светить!.." — как бы невзначай мелькнуло в уме Раскольникова, и быстрым взглядом окинул он все в комнате, чтобы по возможности изучить и запомнить расположение
». Человек с инверсией ценностей чем-то напоминает своего
квазитождика
. Для ET (ЭИЭ) таковым является IR (ИЭЭ). По-видимому, к этому типу принадлежал тот студент, которого Раскольников встретил в трактире. Этот студент горячо доказывал какому-то военному, что если убить глупую и злую старушонку, которая сама не знает, зачем живет, то можно помочь тысячам семейств. На вопрос военного, сумеет ли он сам убить эту старуху, студент ответил: «
— Разумеется, нет! Я для справедливости… Не во мне тут и дело…
— А по-моему, коль ты сам не решаешься, так нет тут никакой и справедливости! Пойдем еще партию!
». То, что для студента и его собеседника было трактирной болтовней, для Раскольникова стало программой выживания.

Порфирий Петрович (PS (ЛСЭ))

Порфирий Петрович обратил внимание на статью Раскольникова «О преступлении» за два месяца до того, как последний совершил убийство. Именно от него Раскольников и узнал, где именно напечатана его статья: «*— Моя статья? В "Периодической речи"? — с удивлением спросил Раскольников, — я действительно написал, полгода назад, когда*

из университета вышел, по поводу одной книги, одну статью, но я снес ее тогда в газету "Еженедельная речь", а не в "Периодическую".
— А попала в "Периодическую"
». Статья была подписана только одной буквой, но и это не смутило дотошного следователя. Он познакомился с редактором и узнал имя автора статьи. Можно, конечно, объяснить такой интерес тем, что он увидел в авторе статьи будущего клиента, но это было бы слишком просто, да и по сути неверно: «
Я вас, во всяком случае, за человека наиблагороднейшего почитаю-с, и даже с зачатками великодушия-с, хоть и не согласен с вами во всех убеждениях ваших, о чем долгом считаю заявить наперед, прямо и с совершенною искренностью, ибо прежде всего не желаю обманывать. Познав вас, почувствовал к вам привязанность. Вы, может быть, на такие мои слова рассмеетесь? Право имеете-с. Знаю, что вы меня и с первого взгляда не полюбили, потому, в сущности, и не за что полюбить-с. Но считайте, как хотите, а теперь желаю, с моей стороны, всеми средствами загладить произведенное впечатление и доказать, что и я человек с сердцем и совестью. Искренно говорю-с
». В книге Е. Удаловой [4] рассмотрен сюжет
суперэго
взаимодействия пары ET (ЭИЭ) — PS (ЛСЭ): «
Гамлет
[1]
, способный тонко выразить любые эмоции, ориентирует Штирлица
[2]
, легко теряющего целостное видение, на эмоциональное восприятие ситуации. А Штирлиц, не допускающий нецелесообразных действий, поддерживает Гамлета, часто уступающего волевому нажиму, в удержании цели деятельности
». Можно подумать, что это написано в качестве комментария к отношениям Раскольникова и Порфирия Петровича. Думаю, что немного найдется преступников, которым бы так повезло со следователями, как нашему герою. «
— Вы когда меня думаете арестовать?
— Да денька полтора али два могу еще дать вам погулять. Подумайте-ка, голубчик, помолитесь-ка богу. Да и выгоднее, ей-богу, выгоднее.
— А ну как я убегу? — как-то странно усмехаясь, спросил Раскольников.
— Нет, не убежите. Мужик убежит, модный сектант убежит — лакей чужой мысли, — потому ему только кончик пальчика показать, как мичману Дырке, так он на всю жизнь во что хотите поверит. А вы ведь вашей теории уж больше не верите, — с чем же вы убежите? Да и чего вам в бегах? В бегах гадко и трудно, а вам прежде всего надо жизни и положения определенного, воздуху соответственного; ну, а ваш ли там воздух? Убежите и сами воротитесь. Без нас вам нельзя обойтись. А засади я вас в тюремный-то замок — ну месяц, ну два, ну три посидите, а там вдруг и, помяните мое слово, сами и явитесь, да еще как, пожалуй, себе самому неожиданно. Сами еще за час знать не будете, что придете с повинною. Я даже вот уверен, что вы не верите, а сами на том остановитесь. Потому страданье, Родион Романыч, великая вещь; вы не глядите на то, что я отолстел, нужды нет, зато знаю; не смейтесь над этим, в страдании есть идея. Миколка-то прав. Нет, не убежите, Родион Романыч
».

Дуня Раскольникова (LI (ЛИИ))

Накануне преступления Раскольников получил письмо от матери, которая признавалась, что его сестра Дуня ради него пошла на жертву, устроившись гувернанткой в дом помещика Свидригайлова. Со слов Пульхерии Александровны выходило, что хозяин был очень груб и приставал к Дуне. Однажды его супруга «*подсл ушала своего мужа, умолявшего Дунечку в саду*
», и опозорила ее на весь уезд так, что от них отвернулись все знакомые, а какие-то приказчики уже хотели вымазать их ворота дегтем. Но господин Свидригайлов (по моим предположениям, FR (СЭЭ)) показал своей супруге письмо, в котором Дуня отклоняла притязания своего ухажера и «
Марфа Петровна всем показывала и читала вслух собственноручное письмо Дунечкино к господину Свидригайлову и даже давала снимать с него копии».
Более того, сердобольная дама позаботилась о Дуниной судьбе, найдя ей жениха, весьма почтенного господина по имени Петр Петрович Лужин (по моему мнению, LF (ЛСИ))
Пульхерия Александровна, будучи, по-моему, RF (ЭСИ) по соционическому типу, хорошо разбиралась в людях. Она предвидела, что когда ее сын увидит жениха, то может спустить его с лестницы. Поэтому она предупредила Родиона, чтобы он не судил сгоряча, так как, по мнению Дуни, Лужин «
хотя и небольшого образования, но умный и, кажется, добрый
». Разумеется, это письмо произвело обратный эффект. Нельзя и представить большего унижения для молодого одаренного гордого человека, чем известие о том, что его любимая сестра сначала терпит из-за бедности страшные унижения, а потом соглашается на брак с каким-то пошляком, который «
разделяет "убеждения новейших поколений наших" и враг всех предрассудков
». Он уже не видел никакого выхода, как добыть денег любым путем и выбиться в люди. В это время господин Свидригайлов был уже в городе. Впоследствии Раскольникову представился случай узнать, что там произошло на самом деле. Все оказалось не совсем так, а вернее, совсем не так. Когда Дуня жила в доме Свидригайлова, к ней, судя по всему, прекрасно относились, но она сама все испортила. Ее подвела свойственная ее соционическому типу страсть к справедливости. Другими словами, она вздумала учить своего хозяина нравственности: «
Раз, после обеда, Авдотья Романовна нарочно отыскала меня одного в аллее в саду и с сверкающими глазами потребовала от меня, чтоб я оставил бедную Парашу в покое. Это был чуть ли не первый разговор наш вдвоем. Я, разумеется, почел за честь удовлетворить ее желанию, постарался прикинуться пораженным, смущенным, ну, одним словом, сыграл роль недурно
». Супруга Свидригайлова, которая смотрела сквозь пальцы на все романы своего благоверного, на этот раз почувствовала опасность и стала действовать решительно. «
Верите ли, я до того тогда врезался, что скажи она мне: зарежь или отрави Марфу Петровну и женись на мне, — это тотчас же было бы сделано! Но кончилось все катастрофой, вам уже известною, и сами можете судить, до какого бешенства мог я дойти, узнав, что Марфа Петровна достала тогда этого подлейшего приказного, Лужина, и чуть не смастерила свадьбу, — что, в сущности, было б то же самое, что и я предлагал

». Дуня понимала, что Лужин ей не пара, но продолжала надеяться на свои воспитательные таланты. Но тут в дело вмешался Раскольников, который, будучи *дуалом*
Лужина, дал ему экспертную оценку: «—
И тебе не стыдно теперь, сестра? — спросил Раскольников.
— Стыдно, Родя, — сказала Дуня. — Петр Петрович, подите вон! — обратилась она к нему, побледнев от гнева
». Интересно, а на что рассчитывал этот прогрессивный деятель, когда требовал, чтобы его сестра бросила Лужина? Может быть, у него было на примете какое-нибудь жилье взамен того грязного номера, в который господин Лужин поселил его мать и сестру? Или он нашел ей нового жениха? В том-то и дело, что это все риторические вопросы. Прогрессивные деятели устроены так, что их интересует только прогресс, а людей они считают приложением к нему. Но Дуне опять повезло. Она встретила настоящего богатыря, который сразу же влюбился в нее без памяти. Думаю, что соционический тип Разумихина — ES (ЭСЭ). «
Он стоял с обеими дамами, схватив их обеих за руки, уговаривая их и представляя им резоны с изумительною откровенностью, и, вероятно для большего убеждения, почти при каждом слове своем, крепко-накрепко, как в тисках, сжимал им обеим руки до боли и, казалось, пожирал глазами Авдотью Романовну, нисколько этим не стесняясь. От боли они иногда вырывали свои руки из его огромной и костлявой ручищи, но он не только не замечал, в чем дело, но еще крепче притягивал их к себе. Если б они велели ему сейчас, для своей услуги, броситься с лестницы вниз головой, то он тотчас же бы это исполнил, не рассуждая и не сомневаясь
». В книге Е. Удаловой [4] есть место, которое, на мой взгляд, имеет прямое отношение к отношениям Дуни с Разумихиным и Свидригайловым: «
Если конфликтеры в силу обстоятельств объединены общей задачей, они должны действовать не вместе, а пропуская друг друга по очереди, по мере возникновения соответствующих сюжетов.
С дуалом наоборот — у него обратный принцип действия, и он бессознательно поддерживает ролевую функцию своего партнера. Если же приходится сознательно разрешать ситуацию, заходя с ментального кольца, то тут требуется творческая функция конфликтера
». Разумихин встретил Дуню как раз в тот момент, когда ей и ее матери нужен был защитник и покровитель. Женщины впервые попали в Петербург, они жили в грязном номере с подозрительными соседями, им было неуютно и одиноко. Жених Дуни думал больше о себе, чем о своей невесте. Сам Родион вел себя так, что его маменька крестилась от страха, когда шла в гости к обожаемому сыну. Разумихин пожалел бедную девушку: «
Он видел потом, как дрогнула у ней в негодовании нижняя губка в ответ на дерзкие и неблагодарно-жестокие приказания брата, — и не мог устоять
». Свидригайлов действовал совсем иначе. Он узнал тайну Раскольникова, подслушав его разговор с Соней, и заманил Дуню к себе. Разговаривал с ней корректно, но жестко: «
Вы сказали сейчас "насилие", Авдотья Романовна. Если насилие, то сами можете рассудить, что я принял меры. Софьи Семеновны дома нет; до Капернаумовых очень далеко, пять запертых комнат. Наконец, я по крайней мере вдвое сильнее вас, и, кроме

того, мне бояться нечего, потому что вам и потом нельзя жаловаться: ведь не захотите же вы предать, в самом деле, вашего брата?
Да и не поверит вам никто: ну с какой стати девушка пошла одна к одинокому человеку на квартиру? Так что, если даже и братом пожертвуете, то и тут ничего не докажете: насилие очень трудно доказать, Авдотья Романовна
». Но вдруг он увидел в руках у Дуни револьвер, притом свой собственный. Оказывается, он в своем имении учил ее стрельбе. (Бедная, беззащитная Дунечка!) Заставив ее дважды выстрелить в себя, он окончательно убедился, что она его не любит. В данной ситуации он действовал, как положено
конфликтеру
, т. е. просто отошел в сторону. Когда Раскольников окончательно принял решение явиться с повинной, между ним и Дуней состоялся разговор
полудуалов
: «
— Разве ты, идучи на страдание, не смываешь уже вполовину свое преступление? — вскричала она, сжимая его в объятиях и целуя его.
— Преступление? Какое преступление? — вскричал он вдруг, в каком-то внезапном бешенстве, — то, что я убил гадкую, зловредную вошь, старушонку процентщицу, никому не нужную, которую убить сорок грехов простят, которая из бедных сок высасывала, и это-то преступление? Не думаю я о нем и смывать его не думаю. И что мне все тычут со всех сторон: "преступление, преступление!" Только теперь вижу ясно всю нелепость моего малодушия, теперь, как уж решился идти на этот ненужный стыд! Просто от низости и бездарности моей решаюсь, да разве еще из выгоды, как предлагал этот… Порфирий!..
— Брат, брат, что ты это говоришь! Но ведь ты кровь пролил! — в отчаянии вскричала Дуня
». Но в тот момент им было не до теоретических споров. «
Оба наконец вышли. Трудно было Дуне, но она любила его! Она пошла, но, отойдя шагов пятьдесят, обернулась еще раз взглянуть на него. Его еще было видно. Но, дойдя до угла, обернулся и он; в последний раз они встретились взглядами; но, заметив, что она на него смотрит, он нетерпеливо и даже с досадой махнул рукой, чтоб она шла, а сам круто повернул за угол
».

Соня Мармеладова (RI (ЭИИ))

«*Соня была малого роста, лет восемнадцати, худенькая, но довольно хорошенькая блондинка, с замечательными голубыми глазами. Она пристально смотрела на постель, на священника; она тоже задыхалась от скорой ходьбы. Наконец шушуканье, некоторые слова в толпе, вероятно, до нее долетели. Она потупилась, переступила шаг через порог и стала в комнате, но опять-таки в самых дверях* ». У нее была своя инверсия ценностей, которая проявлялась в страхе перед будущим. Ради семьи она решилась на крайность, то есть пошла на панель. Казалось бы, занимаясь таким ремеслом, ей надо было приобрести хоть какую-то развязность или, как теперь говорят, сексуальность, хотя бы для того, чтобы привлекать клиентов. Но она так ни в чем и не изменила своей

натуре и оставалась скромной, робкой, покорной, словно надеялась, что таким способом можно избежать беды. И ей это удавалось до тех пор, пока на ее пути не появился Лужин. По отношению к ней у него не было «ничего личного». Находясь с ней в отношениях *суперэго*, он видел только то, что она стоит в самом низу социальной лестницы и ее можно совершенно безнаказанно обвинить в воровстве. Он вовсе не собирался сажать ее в тюрьму, думал, что прочитает ей мораль и на этом все кончится. Но неожиданно у нее оказались два энергичных защитника: Лебезятников и Раскольников. По-моему, соционический тип Лебезятникова — ES (ЭСЭ). Достоевский характеризует его так: «
Это был один из того бесчисленного и разноличного легиона пошляков, дохленьких недоносков и всему недоучившихся самодуров, которые мигом пристают непременно к самой модной ходячей идее, чтобы тотчас же опошлить ее, чтобы мигом окарикатурить все, чему они же иногда самым искренним образом служат
». Что и говорить, умом этот персонаж явно не блещет. Но служение социалистической идее его явно облагородило. Разумеется, он несет всякую ахинею, что таким, как Соня, самое место в коммуне. Но будь он простым чиновником или купцом, ему бы и голову не пришло вступиться за проститутку. Именно то, что он искренне служит идее, и подсказало ему правильную линию поведения. Сначала он по своей глупости решил, что Лужин проявляет деликатность, тайком подсовывая Соне денежную купюру. Но когда он понял свою ошибку, его негодованию не было границ: «
Я видел, видел! — кричал и подтверждал Лебезятников, — и хоть это против моих убеждений, но я готов сей же час принять в суде какую угодно присягу, потому что я видел, как вы ей тихонько подсунули! Только я-то, дурак, подумал, что вы из благодеяния подсунули! В дверях, прощаясь с нею, когда она повернулась и когда вы ей жали одной рукой руку, другою, левой, вы и положили ей тихонько в карман бумажку. Я видел! Видел!
». Лужин пригрозил, что позовет полицию, но только подлил масла в огонь: «
А, ты вот куда заехал! — крикнул Лебезятников. — Врешь! Зови полицию, а я присягу приму! Одного только понять не могу: для чего он рискнул на такой низкий поступок! О жалкий, подлый человек!
». Тут наступила очередь Раскольникова. Дуал, как известно, хорошо понимает своего дуала, правда, это не всегда ведет к хорошим отношениям. Иногда дуалы становятся самыми лютыми врагами, чему есть примеры и в других произведениях Достоевского, (например, Ставрогин и Верховенский в «Бесах», Смердяков и старик Карамазов в «Братьях Карамазовых»). Раскольников со знанием дела объяснил, зачем Лужину понадобилась эта провокация. Он рассказал, как Лужин поссорился с его сестрой, своей невестой, и она указала ему на дверь, а также о том, как Соня приходила к ним домой, он, Раскольников, усадил ее рядом с матерью и сестрой. Заключил он так: «
Теперь прошу особенного внимания: представьте себе, что если б ему удалось теперь доказать, что Софья Семеновна — воровка, то, во-первых, он доказал бы моей сестре и матери, что был почти прав в своих подозрениях; что он справедливо рассердился за то, что я поставил на одну доску мою сестру и Софью Семеновну; что, нападая на меня, он защищал, стало быть, и предохранял честь моей сестры, а своей невесты. Одним словом, через все это он даже мог вновь поссорить меня с родными и, уж конечно, надеялся опять войти у них в милость
». Лужин бежал с поля боя, прикрываясь угрозами возбудить уголовное дело, чтобы не

поздоровилось «
этим безбожникам и вольнодумцам, обвиняющим его из личной мести
». Соня и Раскольников нашли друг друга. В книге Е. Удаловой [4] рассмотрен именно этот сюжет взаимодействия пары ET (ЭИЭ) — RI (ЭИИ): «
Гамлет, знающий, что страсть найдет возможность реализации, помогает Достоевскому ***[3]***
, склонному замыкаться на своих обидах, раскрепостить эмоции. А Достоевский, чувствующий незыблемость нравственной опоры, показывает Гамлету, сосредоточенному на жестокости мира, пути к сердцу окружающих
». Неожиданно для Раскольникова суд оказался гораздо милостивее к нему, чем можно было ожидать. Сказались многие обстоятельства, в том числе и неожиданные: «
Бывший студент Разумихин откопал откуда-то сведения и представил доказательства, что преступник Раскольников, в бытность свою в университете, из последних средств помогал одному своему бедному и чахоточному университетскому товарищу и почти содержал его в продолжение полугода. Когда же тот умер, ходил за оставшимся в живых старым и расслабленным отцом умершего товарища (который содержал и кормил своего отца своими трудами чуть не с тринадцатилетнего возраста), поместил наконец этого старика в больницу и, когда тот тоже умер, похоронил его. Все эти сведения имели некоторое благоприятное влияние на решение судьбы Раскольникова. Сама бывшая хозяйка его, мать умершей невесты Раскольникова, вдова Зарницына, засвидетельствовала тоже, что, когда они еще жили в другом доме, у Пяти углов, Раскольников во время пожара, ночью, вытащил из одной квартиры, уже загоревшейся, двух маленьких детей, и был при этом обожжен. Этот факт был тщательно расследован и довольно хорошо засвидетельствован многими свидетелями. Одним словом, кончилось тем, что преступник присужден был к каторжной работе второго разряда, на срок всего только восьми лет, во уважение явки с повинною и некоторых облегчающих вину обстоятельств
».

Заключение

Теперь можно подвести итог. Благодаря Порфирию Петровичу, Раскольников понял, что никакого пути, кроме раскаяния, у него нет. История Дуни показала ему, что среди людей, которых он квалифицировал как «тварей дрожащих», есть и такие, которые умеют за себя постоять, благодаря силе духа, безо всякого насилия. Соня смогла его убедить, что публичное раскаяние не только не унизит его, а наоборот, вызовет общее сочувствие. Закончу свою статью цитатой из романа Достоевского: «*Под подушкой его лежало Евангелие. Он взял его машинально. Эта книга принадлежала ей, была та самая, из которой она читала ему о воскресении Лазаря. В начале каторги он думал, что она замучит его религией, будет заговаривать о Евангелии и навязывать ему книги. Но, к величайшему его удивлению, она ни разу не заговаривала об этом, ни разу даже не предложила ему Евангелия. Он сам попросил его у ней незадолго до своей болезни, и она молча принесла ему книгу. До сих пор он ее и не раскрывал.*
Он не раскрыл ее и теперь, но одна мысль промелькнула в нем: "Разве могут ее убеждения не быть теперь и моими убеждениями? Ее чувства, ее стремления, по

крайней мере…"
Она тоже весь этот день была в волнении, а в ночь даже опять захворала. Но она была до того счастлива, что почти испугалась своего счастия. Семь лет, только семь лет! В начале своего счастия, в иные мгновения, они оба готовы были смотреть на эти семь лет, как на семь дней. Он даже и не знал того, что новая жизнь не даром же ему достается, что ее надо еще дорого купить, заплатить за нее великим, будущим подвигом…
Но тут уж начинается новая история, история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новою, доселе совершенно неведомою действительностью. Это могло бы составить тему нового рассказа, — но теперешний рассказ наш окончен
».

Автор - Инна Блашко

Литература:

1. *Блашко И. И.* «Братья Карамазовы»: соционические типы героев // Психология и соционика межличностных отношений. — 2004. — № 9. — С. 49?52.
2. *Блашко И. И.* Роман Ф. М. Достоевского «Бесы»: соционические типы героев // Психология и соционика межличностных отношений. — 2007. — № 10. — С. 10?19.

3. *Стратиевская В. И.* Как сделать, чтобы мы не расставались. Руководство по поиску спутника жизни (соционика) — М.: Издательский дом МСП, 1997. — 146 с.

4. Удалова Е. А. Уроки соционики-2, или Секреты наших отношений. — М., 2007. — 266 с.
5. *Филатова Е. С.* Личность в зеркале соционике: Разгадка тайн двойников. — СПб.: Б&К, 2001. — 286 с.

---

[1] ET (ЭИЭ). [2] PS (ЛСЭ). [3] RI (ЭИИ).